

Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории

И. И. БЕЦКОЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (1756–1761 гг.)*

В 1747 г. в результате интриг А. П. Бестужева-Рюмина И. И. Бецкой был уволен от двора наследника престола. Возможно, на «все остальное царствование Елизаветы, с 1747 по 1762 г.», он покинул Россию. Однако известно, что летом 1753 и в начале 1754 г. И. И. Бецкой вместе с семьей сестры находился в Москве. Вероятно также, что он был в Петербурге в конце 1755 г., когда скончалась его любимая сестра. Наконец, в августе 1756 г., получив разрешение выехать «на год к теплым водам», И. И. Бецкой и Д. М. Голицын с женой отправились за границу¹.

В ходе длительного путешествия И. И. Бецкой, очевидно, и собрал материалы, позднее положенные в основу его преобразовательной деятельности. О том, как это происходило, он сам позднее рассказал в инструкции гр. А. Г. Бобринскому и его товарищам, отправлявшимся в путешествие в 1784 г.: «Когда я путешествовал, то не терял времени, не жась в дороге в шлафроках, почитая время драгоценнее передачи лишней копейки; никогда не занимался обедами в пути на почтовых дворах, а спешил в город, где мог просветить себя осматриваньем полезного, чем до полудня занимался; остальное время проводил в почтенных и просвещенных обществах, а потом, прежде, нежели ложиться спать, писал мой журнал»². П. М. Майков высказывал искреннее сожаление о том, что «журнал» И. И. Бецкого не дошел до нас: «Такой дневник являлся бы драгоценным материалом для определения самого пути странствования Бецкого по Европе и его времени препровождения в иностранных государствах, о чем, конечно, едва ли можно встретить какие-либо указания в письмах или бумагах других лиц по малозанимательности вообще таких сведений посторонним лицам»³.

В переписке современников и проектах И. И. Бецкого историки по крохам собрали сведения о посещенных им странах, городах и благотворительных заведениях. Нам известно, что он бывал в германских землях и, видимо, провел немало времени в Гессене, герцогом которого был муж его сестры, и в Пруссии, которую проезжал по пути. Дорога во Францию шла также и через Голландию. О приезде И. И. Бецкого с четой Голицыных в Гаагу сохранились упоминания в переписке гр. М. И. Воронцова с поверенным в делах России в Париже Ф. Д. Бехтеевым⁴. О своем посещении Италии сам И. И. Бецкой вспоминал гораздо позднее, в 1784 г., в письме к кн. Н. Б. Юсупову. Поблагодарив своего корреспондента за заботу «о наших путешественниках» (очевидно, о А. Г. Бобринском с товарищами), он продолжал: «Я прошу вас принять труд, если кто из старинных моих знакомых в Турине вспомнит обо мне, засвидетельствовать им мое почтение и уверить, что я никогда не забуду благосклонности их, которую я пользовался»⁵. В Австрию И. И. Бецкой и кн. Д. М. Голицын уехали из Парижа в конце 1761 или начале 1762 г. после кончины кн. Екатерины Дмитриевны (Д. М. Голицын с сентября 1759 г. состоял на дипломатической службе в Париже, а 28 мая 1761 г. он был назначен послом в Вену)⁶. О путешествиях И. И. Бецкого по Провансу и другим районам Франции сообщает переписка М. И. Воронцова с Ф. Д. Бехтеевым. В июле 1756 г., извещая Ф. Д. Бехтеева о планах И. И. Бецкого и Голицыных, М. И. Воронцов писал, что они намеревались провести зиму «в Неаполе или в Монпелье, куды без сомнения через Париж проедут» (в этих строках содержится и еще одно упоминание о возможном посещении И. И. Бецким Италии). В феврале 1757 г. Ф. Д. Бехтеев сообщал в Петербург, что И. И. Бецкой поехал в Прованс: «Я просил г. Рулье о рекомендациях ему в знатные города. Он дал мне десять

* Продолжение. Начало см.: Фруменкова Т. Г. И. И. Бецкой в 1704–1756 гг. // Вестник Герценовского университета. 2009. № 1. С. 75–80.

к интендантам и губернаторам»⁷. Возвращаясь из своих поездок в Париж, И. И. Бецкой вместе с племянницей и ее мужем подолгу жил во французской столице.

Несомненно, как уже говорилось, путешествия И. И. Бецкого имели в первую очередь познавательный характер. В инструкции, составленной для А. Г. Бобринского и его товарищей, он писал: «Всякое путешествие в чужих краях должно иметь себе предметом просвещение, приобретаемое познанием света, то есть людей, разностью климата и правления до бесконечности отличаемых, их нравов, обычаев, великолепных остатков их минувшей славы и чем они славятся, их образа правительства и следствий оногo, причинствующих возвышения, упадки благоденствия и удручение народов; их успехов в науках или художествах, их полезных заведений, установлений, воспиталищ и обращения в беседах и, словом, всего, что достойно похвалы и подражания, и даже и того, что подвержено осуждению, для избежания оногo: то, надеюсь, что, подкрепляемы советами г. Бушуева, вы не пропустите ничего, заслуживающего уважения, из пространной живой книги, выразительнее всяких книг научающей почерпнуть все важные сведения, к большому образованию сердца и разума, дабы со временем принести существенные услуги своему отечеству»⁸. Историки видят в этом документе намек на то, каким могло быть содержание путешествий самого автора и его записок⁹.

Внимательный анализ показывает, что в своих проектах И. И. Бецкой упоминает преимущественно о виденных им воспитательных домах и госпиталях. Вероятно, путешественника в первую очередь действительно интересовали благотворительные и медицинские учреждения и установления, подобных которым еще не было в России. Уставы учебных заведений, к примеру, Шляхетского корпуса, он иллюстрирует преимущественно информацией из книг и сведениями о способах популяризации европейской науки, а также личными примерами, связанными с пребыванием в кадетском корпусе в Копенгагене. В докладе по поводу «Генерального плана» воспитательного дома (1763 г.) И. И. Бецкой пояснял императрице, что «особливый дом» следует учредить «по примеру тех, которые имел я случай в Голландии, Франции и Италии и прочих местах видеть». Рассуждая о том, насколько для новорожденных младенцев необходимо грудное вскармливание, он подчеркивал, что «во Франции и Англии учинены тому опыты с наиприлежнейшим примечанием, и усмотрено, что от кормления не грудным молоком всегда больше половины умирало».

Кстати, информации о том, что И. И. Бецкой бывал в Англии, не сохранилось, так что, скорее всего, в данном случае он опирался на опубликованные материалы. О знакомстве с английским опытом и его вероятном использовании в начальный период работы Московского воспитательного дома свидетельствует и сохранившаяся в «портфелях» второго по счету его главного надзирателя известного историка Г.-Ф. Миллера брошюра «Опыт вскармливания и воспитания детей от рождения до 3 лет». Она была подготовлена врачом Лондонского воспитательного дома доктором медицины Кадоганом и издана в 1757 г. на английском языке¹⁰. Не исключено, что Миллер получил ее от И. И. Бецкого, а главный попечитель мог познакомиться с этим изданием во время пребывания за границей.

В докладе, представляющем «Генеральный план» воспитательного дома, автор привел и любопытные доказательства того, что следует обучать не только мальчиков, но и девочек. По его путевым наблюдениям, где «женский пол, сверх обыкновенных и свойственных ему трудов, употребляется и во всякие другие работы, там обыватели несказанно довольственнее жизнь свою ведут, а паче в чистоте, так что, въезжая в город, ясно оное узнать можно; но нигде такая разность не оказывается, как при сравнении Голландии с Италией. В первой земле вся работа отправляется женским полом, а в последней вся мужеским, так что женщин почти и не видать. Сколько же чистота первых не только увеселительна, но и для здравия весьма надобна, столько жизнь вторых гнусна и соединена со всякою неудобностию. Еще для ясного доказательства, сколь нужно воспитание девушек, примером представлю следующий: случилось мне, едучи в Байонну, город, лежащий подле Гишпанской границы, приметить, что 1) вся около лежащая земля являла вид веселый и изобилие не в пример лучше пред теми местами, откуда я ехал; 2) въезжая в город, по улицам в обывательских домах видел против женска едва десятую долю мужеска пола. <...> Жители изъяснили мне всю вышеписанную о службе женска пола добродетель, с таким еще прибавлением, что мужик, не находя в городе работы, принужден при своем земледелии остаться». Подобные вставки в тексты проектов И. И. Бецкого заставляют вместе с П. М. Майковым вновь сожалеть о том, что до нас не дошел его путевой дневник, который он, по собственным словам, вел во время своих познавательных поездок.

Говоря о возможности основать воспитательный дом на благотворительных началах, И. И. Бецкой также ссылался на опыт «одаренных европейских народов и государств». Он утверждал, что во многих странах благотворительностью занимаются самые знатные и богатые особы:

«Особливо у французов и италийнцев первые духовные особы и знатнейшие господа не только в такие дома чинят знатное подаяние, или в управление оных с охотою вступают, но еще сами в масках, ходя по улицам и по домам, милости и подаяния на оные собирают». Огромное впечатление на русского путешественника произвел Лионский госпиталь и его «с усердием» работавший Главный попечитель, ежегодно выбираемый из местных жителей: «Через все сие время он как будто б забывает, что в Лионе дом, жену и детей имеет, и стараясь только тем честь и славу себе найти, и один другого превзойти попечением». Наконец, он с большим одобрением отозвался и госпитале «для бедных родильниц», открытом в городе Касселе, несмотря на военное разорение Гессенской земли. При обучении питомцев ведению прихода-расходных книг И. И. Бецкой рекомендовал придерживаться «италианского обряду», а при обучении девочек домостроительству и умению содержать магазины — того «обряду, который у немцов», а для подготовки «краткой нравоучительной книги для питомцев» отталкиваться от содержания «небольшой нравоучительной книги, славным г. Дамосхеном сочиненной для училищ Брауншвейг-Люнебургских».

В «Кратком наставлении ... с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества» И. И. Бецкой, показывая необходимость «вольного и свежего воздуха», ссылается на неудачный опыт Шамузета, «рекетмейстера в Париже», который «желал воспитать найденных им детей, но от неведения не наблюдал сего правила».

В уставе Шляхетского корпуса он рекомендовал обучать кадетов астрономии с использованием «такой сферы, которую я в Лейдене видел у г. Мушенброка», а при изложении методов повторения знаний ссылался на «Законы о домостроительстве Датского королевства»¹¹.

Итак, И. И. Бецкой посещал воспитательные дома, по крайней мере, в Италии, Голландии и Франции, не считая неназванных «других стран». Нам известен один из них — это воспитательное заведение Шамузета во Франции. Он также побывал в лионском госпитале и родовспомогательном госпитале в германском городе Касселе. Интересно, что конкретных сведений о посещении каких-либо учебных, образовательных заведений проекты И. И. Бецкого не содержат.

Другим важным занятием И. И. Бецкого во время заграничных путешествий являлось, по его собственным словам, проведение времени в «почтенных и просвещенных обществах». Историки XIX — начала XX в. уделили большое внимание изучению вопроса о том, посетителем каких парижских салонов второй половины 1750 — начала 1760-х гг. он, скорее всего, был. Дело в том, что прямых указаний на посещение И. И. Бецким того или иного салона не обнаружено. П. М. Майков тщательно изучил французскую литературу и источники по этой теме, но имени И. И. Бецкого в них не обнаружил. Впрочем, подобный результат не обескуражил биографа. «Это вполне естественно, — утверждал он. — Перечисляя лиц, находящихся в том или другом обществе, обыкновенно останавливаются на лицах, чем-либо выдающихся от остальных и тем самым обращающих на себя особенное внимание». Среди блестящих и даровитых представителей французского общества, собиравшихся в салонах, Бецкой, очевидно, не мог обратить на себя внимание ни глубиной мыслей, ни живостью ума, ни даже бойкостью разговора на чужом для него языке; всего естественнее предположить, что, подобно многим другим посетителям салонов, Бецкой слушал, не участвуя лично в разговорах, а потому присутствие его в салоне оставалось незамеченным другими, но не бесследным для него самого». По мнению П. М. Майкова, это умолчание вовсе не означает, что И. И. Бецкой не посещал известные парижские салоны. По утверждению одного из современников, не было ни одного приметного иностранца, который, находясь в то время в Париже, не посетил бы салон госпожи Жоффрен и не попытался бы получить приглашение на ее обед, на котором собиралась более узкая компания. Между тем, как убедительно доказал историк, И. И. Бецкой и его знатные родственники были приняты при Версальском дворе, вместе с кн. Д. М. Голицыным он «весьма фамильярно» обходился с представителями французской знати. Позднейшая переписка императрицы Екатерины II и документы ее французских корреспондентов показывают, что еще до возвращения в Россию И. И. Бецкой был близко знаком с бароном М. Гриммом, бароном Кайлью и госпожой Жоффрен. Последняя прямо называла И. И. Бецкого своим другом. На основании этих фактов П. М. Майков с полным основанием предположил, что «друг г-жи Жоффрен несомненно посещал ее салоны; без сомнения, друг ее был приглашаем в числе немногих приближенных также на ужины г-жи Жоффрен, на которых разговорам не было конца»¹². С тем, что И. И. Бецкой наверняка посещал салон Жоффрен, согласны и другие историки, как предшественники П. М. Майкова, так и его рецензенты. К примеру, П. К. Щебальский в статье, посвященной литературной переписке Екатерины II и опубликованной в 1869 г., писал, что И. И. Бецкой во время продолжительного пребывания за границей завязал с некоторыми из парижских литераторов «прочные связи, между прочим, и с г-жою Жоффрен, которая была центром господствовавшей тогда литературной партии, признававшей Вольтера своим патриархом и учителем»¹³. А. С. Лаппо-Данилевский расширил и уточнил информацию П. М. Майкова. Он сообщил, что в 1756 г. в

Париже действовали салоны госпожи дю Деффан и госпожи Жоффрен. И. И. Бецкому, может быть, пришлось выбирать между ними или довольствоваться тем, что он получил доступ в дом Жоффрен. П. М. Майков полагал, что он мог посещать и салон барона Кайлью. А. С. Лаппо-Данилевский добавил, что иностранцы бывали также в салоне Гельвеция, а знакомство с М. Гриммом могло открыть любознательному иностранцу доступ во многие дома и, в том числе и в салон госпожи Еспинас, где собирались энциклопедисты.

В салоне госпожи Жоффрен помнили Монтескье, здесь можно было встретить Даламбера и Гельвеция, по понедельникам сюда приходили артисты и художники, здесь проводили время представители «высших слоев парижского света». «Очаровательная любезность и тонкий ум хозяйки, а также интересное и веселое общество, собиравшееся с разных концов города в комфортабельном доме на улице С. Оноре, не могли не привлекать иностранцев: они считали за честь для себя быть принятыми в среду, где наука облекалась в самые приятные формы, а разговоры велись свободно, но с соблюдением должных приличий», — отмечал А. С. Лаппо-Данилевский¹⁴. 14 октября 1759 г. М. П. Бестужев-Рюмин писал в Петербург И. И. Шувалову: «О прииске здесь живописца на место умершего Лоррена для Академии художеств, принадлежащей к Московскому университету, стараться готов обще с И. И. Бецким, который, имея о художниках здешних нарочитое знание, чаятельно в сей комиссии успеть может»¹⁵. Исследователи дружно подчеркивают, что «в этот восемнадцатый философский век в салонах стали говорить не об одном только театре, музыке, романах и т. д. Энциклопедисты пробудили в самых избранных обществах участие к серьезному, к наукам и важным отвлеченным вопросам из области нравственности, политики и даже метафизики. Присутствие дам в салонах воздерживало от слишком резких выражений при столкновении противоположных мнений и, не препятствуя обсуждать подробно и тонко самые животрепещущие и трудные вопросы человеческого знания, вместе с тем побуждало говоривших излагать свои взгляды не только ясно, но общедоступно и красиво»¹⁶. Среди философских и педагогических сочинений последних десятилетий, которые могли стать предметом обсуждения в салонах, называются «Философские (или английские) письма» (1738) и Ф. М. Вольтера, «Философские письма» Д. Дидро, «Дух законов» Ш. Л. Монтескье, «Об уме» (1758) К. А. Гельвеция, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо. П. М. Майков добавил к ним также «Опыт о нравах и духе народов» Ф. М. Вольтера, выход которого в свет современная наука относит ко второй половине 1760-х гг., а также знаменитый педагогический роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», который, впрочем, как заметил еще А. С. Лаппо-Данилевский, в действительности вышел в 1762 г. Это подтверждают и исследователи конца XX в.¹⁷ Кроме того, во второй половине 1750-х гг., когда И. И. Бецкой находился в Париже, там уже ходили по рукам первые тома знаменитой «Энциклопедии», издание которой было начато в 1751 г. «Энциклопедия» была хорошо известна М. Гримму, с одобрением отзывавшемуся о большинстве томов. Представления ее авторов о воспитании, а также некоторые педагогические идеи Д. Дидро также оказали влияние на проекты И. И. Бецкого.

Современники свидетельствовали, что И. И. Бецкой «питал большое расположение ко всему французскому» и, попав «в самый центр умственной аристократии», он, конечно, «впитывал в себя сок просветительной философии у самого ее источника»¹⁸. Постоянные ссылки в «Генеральном плане» Воспитательного дома и других подготовленных позднее им документах на европейский опыт доказывают, что именно тогда у него зарождались преобразовательные планы. При этом, как уже отмечалось, не стоит забывать, что И. И. Бецкой и его окружение независимо от парижских салонов были знакомы с идеями и трудами просветителей, а некоторые из них могли прочитать и в русских переводах. Так, в письме, которое было отправлено из Парижа 17 января 1757 г., Ф. Д. Бехтеев благодарил М. И. Воронцова за переводы Вольтера, сделанные М. В. Ломоносовым, и сообщил: «Мы их здесь уже полтора месяца имеем. Хотел вам послать, но сообщил кн. Дмитрию Михайловичу (Голицыну. — Т. Ф.), который их несколько удержал»¹⁹. Что это были за переводы, в тексте и комментариях к нему не указано, но то, что лица из окружения И. И. Бецкого могли ознакомиться с русскими переводами его произведений, несомненно.

Кроме посещения парижских салонов, И. И. Бецкой во Франции встречался и беседовал с изгнанным из России доктором Р. Санхесом (Саншесом, Санчесом). В августе 1756 г., извещая Ф. Д. Бехтеева о скором прибытии в Париж И. И. Бецкого и Голицыных, М. И. Воронцов заметил: «Я чаю, господин Саншес весьма рад будет их увидеть»²⁰. В 1757 г. Ф. Д. Бехтеев сообщал М. С. Воронцову об отчаянном положении знаменитого врача, которому не на что было жить и которого, как изгнанника, без рекомендации нигде не брали на службу. Нет сомнений, что давний русский знакомец навещал доктора и, вероятно, старался помочь ему. Часть разговоров с Р. Санхесом, на которые ссылался И. И. Бецкой в своих уставах, скорее всего, состоялась в Париже. Так, в «Уставе кадетского корпуса» И. И. Бецкой утверждал, что доктор Р. Санхес не раз «сказы-

вал» ему, что в его время многие кадеты попадали в госпиталь «только от нечистоты головы, для того, что обриты не были». В следующих статьях «Устава», запрещая пользоваться медной посудой, он писал: «Долженствую здесь припомнить сказанное мне с особенной доверенности от его же, г. Саншеса, в бытность мою в Пломбиере». По мнению доктора, три кадета умерли от яда, выделяемого медной посудой. В третьей части «Генерального плана» Воспитательного дома, принятой в 1767 г., он поведал о том, как в 1734 г. известный врач лечил от цинги детей, обучавшихся при Александро-Невском монастыре²¹.

В Париже и путешествиях по Европе жизнь И. И. Бецкого была наполнена важнейшими для его дальнейшей деятельности интеллектуальными и эмоциональными впечатлениями. Там же, в Париже, он понес и тяжелую личную утрату. 2 ноября 1761 г. скончалась его любимая племянница кн. Е. Д. Голицына. Вместе с овдовевшим кн. Д. М. Голицыным И. И. Бецкой в конце того же года отправился в Вену.

Узнав о кончине Елизаветы Петровны и вступлении на престол Петра III, И. И. Бецкой обратился к нему с поздравительным письмом, написанным по-немецки. Император вскоре прислал своему отставному камергеру повеление немедленно возвратиться в Россию и, видимо, в эти же дни, 9 февраля 1762 г., наградил его орденом Александра Невского, хотя кавалером низшего по иерархии ордена Св. Анны И. И. Бецкой не значился. Текст распоряжения Петра III не сохранился. О его содержании мы узнаем из ответного письма И. И. Бецкого. Несмотря на повеление императора, он промедлил с отъездом, объяснив задержку своей старостью и болезнями. Из этой переписки П. М. Майков сделал вывод о том, что инициатива возвращения бывшего придворного принадлежала Петру Федоровичу. Если бы распоряжение Петра III являлось следствием просьбы самого И. И. Бецкого, то он, согласно этикету, должен был поблагодарить императора за осуществление его желания. Зная о характере взаимоотношений молодого монарха с супругой, трудно также предположить, чтобы он откликнулся таким образом на просьбу Екатерины.

Итак, несмотря на завесу тайны, окружающей многие обстоятельства и подробности жизни И. И. Бецкого, можно с надежностью утверждать, что он был образованным, гуманным и тонко чувствующим человеком. Много лет он находился в тени, неприметно, с помощью отца, сделал карьеру, стал одним из участников придворной жизни. Однако главные его способности и стремления, к реализации которых он шел много лет, долгое время оставались невостребованными. Судя по всему, в ходе многолетнего последнего пребывания за границей он стал убежденным сторонником идей Просвещения, окончательно утвердился в необходимости создания в России системы призрения сирот и организации новых учебно-воспитательных учреждений по европейскому образцу, а также собрал материал для подготовки к практической работе в этом направлении. Возможность реализации своих идей он связывал с новым императором и его супругой.

Примечания

1. Архив кн. Воронцова. Кн. 33. — М., 1887. С. 92.
2. Материалы о И. И. Бецком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 144.
3. *Майков П. М.* И. И. Бецкой. Опыт его биографии. — СПб., 1904. С. 32.
4. Архив кн. Воронцова. Кн. 33. С. 185; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 35.
5. РГАДА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 175. Л. 1; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 34.
6. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 61; *Александрович Е.* Голицын Д. М. // РБС. Т. Гоголь — Гюне. — М., 2001. С. 168.
7. Архив кн. Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 245; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 36.
8. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 144.
9. *Лаппо-Данилевский А. С.* И. И. Бецкой и его система воспитания. — СПб., 1904. С. 6.
10. *Essay upon nursing and management of children from their birth to 3 years age, by W. Cadogan, M. D. Now physician to the Foundling Hospital. London, 1757* // РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 5. Л. 73.
11. ПСЗ. Т. 16. № 11908, 12741; Т. 18. № 12957, 12785.
12. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 45–46.
13. *Щебальский П. К.* Екатерина II как писательница // *Заря*. 1869. Август. С. 72.
14. *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 9, 27.
15. Цит. по: *Майков П. М.* Указ. соч. С. 47.
16. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 44.
17. Там же; *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 10; *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения. — М., 1981. С. 619.
18. *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 6, 27; *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. — М., 1912. С. 126.
19. Архив кн. Воронцова. Кн. 3. С. 237.
20. Там же. Кн. 33. С. 92.
21. ПСЗ. Т. 17. № 12741; т. 18. № 1222957.